

УДК 130.122+167

КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ В НОРМАТИВНЫХ ТЕОРИЯХ: НЕОКАНТИАНСТВО И ТЕОРИЯ ПРАВА ГАНСА КЕЛЬЗЕНА

Невважай Игорь Дмитриевич –

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: inevv@yandex.ru

В статье обсуждается проблема реализации критериев научности в процессе построения гуманитарной научной теории. Предметность, объективность, истинность, обоснованность, верифицируемость, фальсифицируемость как критерии были сформированы в науках о природе. Они должны быть интерпретированы по-новому, с учетом специфики гуманитарного познания. Анализ проблемы опирается на изучение исторического примера построения научной теории. В качестве примера рассматривается опыт построения теории права в юриспруденции Г. Кельзеном. Проанализирована роль неокантианских философских оснований в конструировании правовой научной теории. В статье предложены новые интерпретации критериев научности для гуманитарных наук.

Ключевые слова: гуманитарное знание, стандарты научности, неокантианство, нормативная теория права.

Вопрос о стандартах научности всегда актуален как вопрос об идентификации знания. Эти стандарты выполняют важную регулятивную функцию, ориентируя теоретика при построении нормативной теории. Вопрос о критериях научности гуманитарного познания и знания остается всё ещё открытым.

В случае нормативных наук мы имеем дело с необычной по сравнению с естествознанием гносеологической ситуацией. В естествознании теоретическое знание традиционно рассматривается как отражение объективной реальности. Наука в этом случае есть «зеркало природы». Нормативные науки, к которым, в первую очередь, относятся этика, юриспруденция, содержат знание о том, как управлять человеческим поведением, создавать и трансформировать социальные структуры и отношения. Нормативные науки нельзя рассматривать как отражение некоей объективной реальности. Тогда надо бы говорить не о критериях научности, а о неких стандартах, которые необходимы для знания, чтобы оно могло быть использовано для изменения действительности. Но реализуемость знания на практике есть прагматическое понимание истинности знания, так что прагматика не исключает гносеологического понимания знания. Больше того, когда строится теория права как теория управления человеческим поведением, необходимо обеспечить конструирование такого теоретического знания, которое было бы согласовано с природой человеческого поведения. Иначе говоря, чтобы воз-

действовать на объект эффективно, необходимо согласовывать это воздействие с природой самого объекта. Устанавливая отношения между знанием и действительностью, мы неизбежно стремимся к тому, чтобы эти отношения удовлетворяли совокупности критериев научности.

Обсуждая вопрос о стандартах научности юридической науки, мы должны иметь в виду, что гуманитарные науки являются относительно молодыми по сравнению с математическими и естественно-научными дисциплинами, у которых заимствуются стандарты научности.

Когда мы говорим о научном знании, то имеем в виду, что оно удовлетворяет следующему набору базовых требований: предметности, объективности, истинности, обоснованности, системности, верифицируемости, фальсифицируемости. Перечисленные критерии были выработаны в области математического естествознания и до сих пор там «работают». Попробуем выяснить, в какой мере эти критерии могут быть применимы к гуманитарному знанию на примере построения теории права Гансом Кельзеном – одним из самых авторитетных философов и теоретиков права XX в. Пример теории Кельзена интересен также с точки зрения поиска образца для построения гуманитарной научной теории.

Г. Кельзен находился под влиянием ряда кантовских и неокантианских идей. Он принял кантовскую идею о существовании двух сфер, в которых действуют принципиально разные закономерности. С одной стороны, это мир вещей и явлений, в котором правят законы причинности и необходимости. В другой сфере – мире свободы – действуют законы должного. Кантовская идея противопоставления сущего и должного, содержащаяся уже в известном законе Юма, нашла развитие в неокантианстве, которое на этом основании противопоставило науки о духе (культуре) наукам о природе. Стремление Кельзена построить «чистую» теорию права связано с кантовской характеристикой знания, свободного от каких-либо эмпирических «примесей». Неокантианство пошло в этом вопросе дальше, предложив вообще отказаться от понятия «вещи в себе». Кельзен опирается на В. Виндельбанда и Г. Зиммеля в развитии методологического дуа-

лизма [1, с. 532]. Суть последнего в том, что, поскольку между сферами сущего и должного нет перехода, то и методы обоснования знаний, относящихся к этим сферам, не могут быть совместимы: основанием одного конкретного долженствования может быть лишь другое конкретное долженствование, а основанием одного сущего может быть лишь другое сущее, поэтому Кельзен стремился устранить элементы натурализма и психологизма из учения о праве. Научное обоснование права требует обращения к миру объективных ценностей. Эта установка неокантианства также нашла реализацию в построении Кельзеном нормативистской теории права. Статья посвящена рассмотрению того, как при данных онтологических и методологических положениях неокантианства Кельзен строит теорию права, ориентируясь на систему традиционных критериев научности.

Под предметностью научного знания понимается его отнесенность к реальности (предмету), существующей независимо от факта знания. Предметность имеет два смысла: во-первых, мы должны знать, к какой реальности относится наше знание, и должны быть способны идентифицировать познаваемую реальность и отличать ее от той, на которую познание не направлено. Это проблема соответствия знания и действительности, которая пересекается с вопросом об истине, но не сводится к нему. Здесь речь идет не о соответствии содержания знания действительности, а о соответствии знания предметной области. Данную задачу Кельзен решает, стремясь отделить собственно юридическую науку от сфер экономического, политического, социологического, психологического, этического и др. типов неюридического знания. Кельзен был убежден, что юридическая наука имеет собственный предмет и обладает специфически юридическим (нормативным) содержанием права.

Второй смысл предметности состоит в различении предмета знания и знания предмета. Данное требование позволяет отличить научное от тех видов ненаучного знания, предмет которых зависит от самого знания, и в этом случае предмет знания и содержание знания предмета оказываются неразличимыми. С такими ситуациями мы сталкиваемся тогда, когда иллюзия, видимость чего-то нам представляется самой действительностью. Это типичная черта мифологического мышления, для которого коллективное субъективное неотделимо от того, что считается объективной реальностью. Таков и феномен идеологии.

Реализация требования предметности научного знания выразилась в стремлении Кельзена отделить науку о праве от идеологии. Он одним из первых поставил задачу деидеологизации

правоведения, создания строго научного учения о праве. Каким же образом им была решена эта задача?

Особенность гуманитарного и юридического познания, в частности, в том, что его предметом является совокупность субъективных актов, совершаемых людьми, которые в своих действиях преследуют определенные ими цели и реализуют определенную систему ценностей. В этих социальных актах воплощено некое знание. Если это знание совпадает с тем знанием о них, которое имеет тот, кто познает эти акты, то мы имеем дело с идеологией, а не с юридической наукой, дающей свое толкование смысла актов. По мнению Кельзена, отличительной чертой правового феномена является самоистолкование, т.е. его способность высказаться о том, что он означает, «в этом заключается, – как подчеркивает Кельзен, – своеобразие того материала, который является предметом социального и особенно юридического познания» [2, с. 435]. Это очень тонкий и важный момент, и его стоит рассмотреть подробнее. На необходимость различия предмета знания и знания предмета указывает Кельзен, когда отмечает, что самоистолкование правового акта предшествует тому истолкованию, которое осуществляется наукой о праве. Чтобы понятийно выразить данное обстоятельство, им вводится различие между субъективным и объективным смыслом некоего акта. Субъективный смысл акта, подразумеваемый действующим субъектом, и объективный его смысл, «который данному акту приписывается в системе всех правовых актов», не должны совпадать [2, с. 436]. Иначе говоря, осознание различия между предметом знания и знанием предмета выражается таким образом, что, с одной стороны, предмет знания описывается как реальность, которая сама себя определенным образом выражает, «самоистолковывает» посредством своего особенного «предметного» языка. С другой стороны, в суждениях (знании) о предмете используется другой язык, в котором реальность дана в форме интерпретации языковых выражением [3]. Два разных способа отношения к событиям действительности создают возможность теоретического разведения предмета знания и знания о предмете. Отмечу, что в теориях познания, основанных на идее знания как отражения действительности, это различие обосновать весьма проблематично, если вообще возможно.

Другой важнейший критерий научности – это истинность знания; в классической аристотелевской версии истина есть содержание знания, соответствующее объективно существующему объекту. Истинность предполагает предметность знания. Истинность знания требует наличия

определенных способов установления соответствия знания и действительности. Эти способы могут быть как логическими, так и эмпирическими. Рассматривая критерий истинности, необходимо иметь в виду, что кроме приведенного выше классического определения истины существуют другие её концепции, например: когерентная, прагматическая, семантическая. Классическая концепция истины неплохо «работает» в естественных науках, так как последние имеют дело с реальностью, которая всегда есть в наличии либо может быть воспроизведена, например, с помощью эксперимента. Когерентная концепция истины наиболее адекватна тем наукам, которые имеют дело с объектами, существующими в виде текстов (например, исторические науки). Проективные науки – науки о будущих объектах, к числу которых относятся технические и социальные, в основном опираются на прагматическую концепцию истины.

Что мы находим в связи с этим у Кельзена? Хотя прямых формулировок, касающихся истинности юридического знания, в тексте его пионерской работы «Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве» нет, тем не менее, как мне представляется, в неявной форме у Кельзена есть определенное понимание истинности в науке о праве. Представляю здесь свое видение кельзеновского понимания истинности. Разумеется, Кельзен был далек от наивного реализма относительно трактовки знания как образа объективной реальности. Его трактовка истины опирается на идею о том, что гуманитарное знание есть интерпретация опыта, а не отражение факта. События становятся предметом юридического познания благодаря не своей фактичности, но объективному смыслу, связанному с этим событием, тому значению, которым оно обладает. «Соответствующие фактические обстоятельства, – отмечает Кельзен, – обретают особый юридический смысл, свое собственное правовое значение посредством некоторой нормы, которая по содержанию соотносится с этими обстоятельствами, наделяет их правовым значением, так что акт может быть истолкован согласно этой норме. Норма функционирует в качестве схемы истолкования» [2, с. 436]. Другими словами, акт человеческого поведения есть правовой (или противоправный) вследствие нормативного толкования. И, таким образом, истинное знание – не то, которое соответствует «фактическим обстоятельствам», но есть результат интерпретации, правильность которой определяется нормой как схемой толкования. Здесь истинность тождественна правильности, правомерности. Истина здесь близка, по сути, убеждению в правильности некоей нормы.

Что же касается вопроса о том, каким образом мы сопоставляем друг с другом акт и его толкование, то он остается открытым и проблематичным.

Согласно критерию объективности в естествознании содержание знания не должно зависеть от субъекта. Объективность знания, таким образом, означает, что в содержании знания не должен быть отражен факт присутствия человека в мире в качестве познающего и знающего этот мир существа. Подобная трактовка объективности непригодна для гуманитарного познания, поскольку предметом последнего является человеческая реальность, содержательно определяемая сознанием, волей, интересами, потребностями человека. Она была отвергнута неокантианским тезисом, что мы познаем не предметы мира, а познаем мир предметно.

Обратим внимание на один аспект объективности, который рассматривался Кельзеном. Норма содержит в себе представление о должном. Но долженствование понимается им не только субъективно, но и объективно. Объективный смысл «долженствования» проявляется в том, что поведение, на которое акт направлен, воспринимается как должное не только с точки зрения того, кто осуществляет этот акт, но и с точки зрения третьего, незаинтересованного лица. В связи с этим Кельзен пишет следующее: «...даже если воля, субъективный смысл которой есть долженствование, фактически перестает существовать, а смысл (т.е. долженствование) не исчезает вместе с ней; если долженствование остается “действительным” и после исчезновения воли, если оно действительно даже тогда, когда индивид, который – согласно субъективному смыслу акта воли должен вести себя определенным образом, ничего не знает об этом акте и его смысле, и тем не менее он считается обязанным или управомоченным вести себя в соответствии с долженствованием, вот тогда долженствование как “объективное” есть “действительная”, обязывающая адресата “норма”. Так бывает, если акту воли, субъективный смысл которого есть долженствование, этот объективный смысл придается нормой, если этот акт уполномочен какой-либо нормой, которая тем самым приобретает значение “более высокой” нормы» [4, с. 16].

В связи с этим обратим внимание на два обстоятельства в рассуждениях Кельзена: во-первых, указание на третье «незаинтересованное» лицо и, во-вторых, необходимость соотношения с «более высокой» нормой при решении вопроса об объективности нормы и требования должного, заключенного в ней. Объективность должного, нормы здесь обеспечивается тем, что должное существует благодаря признанию одно-

временно тремя сторонами: субъектом действия, субъектом, в отношении которого совершается действие, и третьим субъектом, который, будучи лицом, не заинтересованным в данном действии, признает его значимость как должного. Так, договор между двумя субъектами приобретает объективную обязывающую силу права только благодаря присутствию третьей инстанции, признающей договор как правовую норму. Иначе говоря, объективность должного здесь имеет интересубъективную природу. Она обеспечивается наличием иерархически выстроенной целостной совокупности норм, где объективная значимость данной нормы обеспечивается отнесением ее к более высокой. Такое ценностное понимание объективности, свойственное Кельзеновской теории права, и сегодня является новаторским, оригинальным и имеет большое значение для понимания объективности знания в целом в гуманитарном познании.

Объективность в науках о природе есть показатель зависимости содержания знания от объекта, но не от познающего субъекта. Развивая мысль Кельзена, я хочу предложить версию объективности, характерную для гуманитарных нормативных наук. В них объективность может быть понята как зависимость содержания нормативного знания не от произвола активности субъекта, а от «природы» самого субъекта, от которой он сам зависит и которой подчинено его сознание. В этом случае объективность знания и его ценностная ориентированность вполне совместимы. Ориентация на определенные ценности и выбор их от человека не зависят, если отказ от этих ценностей ведет к отрицанию человеком собственной сущности и собственного существования. Тут скрыта простая истина, что выбор ценностей в свою пользу, в пользу того, чтобы быть человеком, и есть объективный выбор. От нас не зависит то, что нам дано в качестве дара: происхождение от своих родителей, жизнь, смертность, разумность и т.п. То, что человеку дано, даровано и поэтому от него не зависит – это и есть объективно данные нам ценности. От человека зависит лишь то, как он этим даром и этими ценностями распорядится. Окружающий внешний мир, природу мы называем объективными в том же смысле: они нам даны в качестве дара (т.е. даром). В соответствии со сказанным знание и познание являются объективными, если они соответствуют объективным ценностям, т.е. тем, которые мы не можем отменить, пересмотреть без угрозы самоуничтожения (не обязательно физического). Аналогичный подход, апеллирующий к сохранению жизненного мира человека, был ранее рассмотрен М. О. Орловым применительно к обоснованию этики дискурса [5].

Согласно требованию обоснованности всякое научное знание должно иметь свои основания. Эти основания могут быть как эмпирическими, так и логическими. Из критерия обоснованности вытекает требование системности научного знания, т.е. научное знание должно представлять собой совокупность логически связанных элементов знания (понятий и суждений). В такой системе между элементами (например, понятиями) существуют отношения координации и субординации.

Реализация критерия обоснованности в нормативной теории связана с построением нормативной системы суждений, аналогичной структуре аксиоматически построенной теории, поэтому вполне логичной выглядит идея Кельзена о существовании основной нормы. Когда одна норма представляет собой основание действительности другой нормы, то она является по отношению к ней высшей нормой, и таким образом выстраивается иерархическая система норм. «Будучи наивысшей нормой, – подчеркивает Кельзен, – она должна постулироваться, так как не может быть установлена властной инстанцией: ведь в противном случае компетенция этой инстанции должна была бы основываться на какой-то еще более высокой норме. Действительность наивысшей нормы не может выводиться из какой-то более высокой нормы, и уже больше не может возникать вопроса об основании ее действительности. Такая норма, постулируемая в качестве наивысшей, называется здесь основной нормой. Все нормы, действительность которых можно вывести из одной и той же основной нормы, образуют систему норм, нормативный порядок» [4, с. 103]. Основная норма определяет онтологические основания субъекта познания и власти, она конституирует эту власть, поэтому субъект не может произвольно менять основную норму. Итак, понятие основной нормы является необходимым для понимания обоснованности системы теоретического нормативного знания. В других (негуманитарных) науках аналогом основной нормы являются аксиомы или принципы. Если принять эту аналогию, то можно предположить, что в правовой теории могут существовать несколько независимых друг от друга основных норм, к категории которых относятся некоторые фундаментальные правовые презумпции.

Верифицируемость как требование научности знания означает возможность удостовериться в истинности, правильности знания. Верифицируемость предполагает наличие определенных способов установления соответствия между знанием и действительностью. Поскольку я исхожу из того, что в нормативных науках реальность есть следствие интерпретации понятий и норм,

то критерий верифицируемости здесь означает доказуемость и адекватную интерпретируемость теоретических положений. К сказанному можно добавить, что верифицируемость в гуманитарных науках реализуется также в процедурах установления соответствия научных высказываний существующим признанным социально значимым ценностям.

Критерий фальсифицируемости противоположен предыдущему и заключается в требовании возможности опровергать научное знание с помощью логики или фактов. В гуманитарных науках научные суждения могут не только логически опровергаться, но также критиковаться с точки зрения представлений о должном, – это ценностная фальсификация.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что продуктивное обсуждение вопроса о стандартах научности в науках о праве требует более детальной разработки вопроса о структуре научного нормативного (юридического) знания. К сожалению, в теоретических исследованиях правоведов недостаточно используются разработанные в современной философии науки методологические ресурсы. В частности, я хочу обратить внимание на различие собственно научного теоретического знания и оснований этого знания. Традиционным является признание философских оснований научных теорий. Но, кроме этого, существуют другие виды оснований, такие как идеалы и нормы научного исследования и третий блок оснований – научная картина мира. Согласованность теоретических представлений с собственными основаниями, в особенности такими, как научная картина мира, можно рассматривать как один из критериев научности. Кроме того, различие оснований теории и ее оснований важно для корректного решения вопроса о критериях и стандартах научности теории. Рассмотренный в данной статье опыт построения Кельзеном научной теории права есть свидетельство того, почему необходимо и как возможно отделение самой теории от ее оснований. Ганс Кельзен намеревался построить «чистую» теорию права на собственных основаниях. Для него это означало, что право первично и не выводится из психических, религиозных, этических или политических обстоятельств человеческого и социального бытия. Построение научной теории права (определение основных принципов, понятий, способов обоснования утверждений), по замыслу Кельзена, не должно зависеть от исторического и социального контекста. Здесь научность теории права оценивается ее неисторичностью. Или в более категоричной форме: принцип историзма несовместим с научностью правовой теории.

Как же можно совместить принцип историзма и признание социокультурной обусловленности научного знания с требованием научности в юриспруденции? Это принципиальный вопрос, который ставится опытом построения научной теории права Г. Кельзеном. Учитывая этот опыт, ответ на данный вопрос, на мой взгляд, не должен быть связан ни с релятивизацией научных принципов и понятий, ни с абсолютизацией и догматизацией онтологических представлений, идеалов и норм научного исследования в правовой науке.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Структура и функции гуманитарной научной теории» (проект № 13-03-00353).

Список литературы

1. Полсон С. Ранняя теория права Ганса Кельзена : критический конструктивизм // Российский ежегодник теории права. СПб., 2011. № 4. С. 525–545.
2. Кельзен Г. Чистое учение о праве : введение в проблематику науки о праве / пер. с нем. М. В. Антонова // Российский ежегодник теории права. СПб., 2011. № 4. С. 430–511.
3. Невважай И. Д. Взаимодополнительные формы активности субъекта познания : интерпретация и выражение // Вестн. Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 2011. № 3. С. 54–65.
4. Чистое учение о праве Ганса Кельзена / сб. переводов С. В. Лёзова, Ю. С. Пивоварова. Вып. 1. М., 1987. С. 114.
5. Орлов М. О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 55–59.

Scientific Criteria in Normative Theory: Neo-Kantianism and Kelsen's Theory of Law

I. D. Nevvazhay

Saratov State Law Academy
1, Volskaya, Saratov, 410056 Russia
E-mail: inevv@yandex.ru

In the paper the problem of applicability of scientific criteria in the process of construction of humanitarian theory. Subjectness, objectivity, truth, validity, verification, falsification as criteria were formed in natural sciences. These criteria should be interpreted in a new way in view of specificity of humanitarian knowledge. The analysis of the problem is based on studying a historical example of construction of a humanitarian theory. As an example experience of construction of the theory of law by Hans Kelsen in jurisprudence is examined. I consider a role of neo-kantian philosophical bases in designing the legal theory. In the paper new interpretations of scientific criteria to humanitarian knowledge are proved.

Key words: humanitarian knowledge, scientific criteria, Neo-Kantianism, the normative theory of law.

References

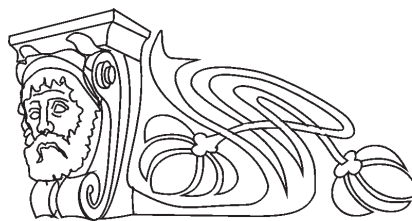
1. Paulson S. Hans Kelsen's Earliest Legal Theory: Critical Constructivism. *The Modern Law Review*, 1996, vol. 59, pp. 797–812 (Russ. ed.: Paulson S. Rannaya teorya prava Hansa Kelsena: kriticheskiy konstruktivism. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*. St.-Petersburg, 2011, no. 4, pp. 525–545).
2. Kelsen H. *Reine Rechtslehre: Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik*. Leipzig; Wien, 1934. 154 p. (Russ. ed.: *Kelsen H. Chistoe uchenie o prave: vvedenie v problematiku nauki o prave*. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*. St.-Petersburg, 2011, no. 4, pp. 430–511).
3. Nevvazhay I. D. Vzaimodopolnitelnye formy aktivnosti subecta posnanya: interpretatsiya i vyrazhenie (Mutual complementary forms of subject of knowledge activity: interpretation and expression). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Filosofiya* (Herald of Russian University of International Friendship. Ser.: Philosophy), 2011, no. 3, pp. 54–65.
4. *Chistoe uchenie o prave Hansa Kelsena*: sb. perevodov S. V. Lezova, U. S. Pivovarova (Pure theory of law by Hans Kelsen: translated by S. V. Lezov, U. S. Pivovarov). Iss. 1. Moscow, 1987. 114 p.
5. Orlov M.O. Etica discursa kak osnova strategii socializacii v globaliziruyuschemsya mire (Ethics of discourse as a basis of socialization in global world). *Izv. Saratov. Univ. New ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogics*. 2012. Vol. 12, iss. 2, pp. 55–59.

УДК 502,12:1

ПРЕДПОСЫЛКИ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОЛОГИИ В ДОХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Орлов Михаил Олегович –

доктор философских наук,
доцент кафедры теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mil.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы и анализу специфики возникновения теологического дискурса в Античности; рассматривается категориальный аппарат античной философии, который позднее был переосмыслен христианами теологами. Взаимодействие теологии в период ее формирования с философией и естественными науками было очень интенсивным и плодотворным. Причины коммуникативной близости теологии и философии видятся нам в стилистике человеческого мышления. Античные философы пытались найти фундаментальные основания бытия мира и человека; представлена попытка обнаружить предпосылки теологического мышления в античной культуре. В исследовании выявлены философские предпосылки теологического мышления и проанализированы гностические стратегии герменевтики познающего субъекта.

Ключевые слова: теология и философия, теологическое мышление, гностицизм, античная философия, межкультурная коммуникация.

Первая тысяча лет нашей эры, эпоха святых отцов и учителей Церкви, эпоха Вселенских соборов стала тем горнилом, где выкристаллизовывалось учение Церкви. Это – золотой век христианской теологии, где Евангелие, Благая Весть нашло развернутое, богатое отражение в богословских трудах, ставших классикой теологии. Это произошло тогда, когда Откровения Ветхого и Нового Заветов стали прочитываться сквозь призму классической философии: совершился синтез светского знания, философии

и христианского Откровения. Имея истоком проповеди, полемические и апологетические сочинения, катехизические поучения, теология с течением времени развилась в целый свод религиозных знаний и систему научных дисциплин. Развиваясь в параллельных культурно-исторических традициях Запада и Востока, теология стала наукой со своей методологией и источниками. Именно теология легла в основу европейского университетского образования, став первым и главным факультетом классического университета, и на протяжении многих веков сохраняла свой статус «царицы наук».

Древние богословы помещали теологию на стыке разных форм знаний, и прежде всего, конечно, философии, которая имела статус строгой научности. Взаимодействие теологии в период ее формирования с философией и естественными науками было очень интенсивным и плодотворным. В условиях глобализации религиозные сообщества, лишённые рефлексивной культуры, могут являться источником социальных рисков [1], поэтому весьма актуальным представляется рассмотрение коммуникативной близости теологии и философии, которая видятся нам в стилистике самого человеческого мышления. В представленном исследовании мы попытаемся обнаружить предпосылки теологического мыш-